

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.036
УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.1'374 +
+ 913(470.317) + 811.161.1'282 +
+ 81:39 + 378(470.54-25)

В. С. Кучко
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ХРОНОНИМЫ И ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛА МАКАРЬЕВСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается локальная праздничная традиция, зафиксированная в Верхнем Поволжье, а именно в Макарьевском районе Костромской области. Основное внимание уделяется языковой репрезентации этой традиции — хрононимам, присловьям, сопровождающим праздничные даты, хрононимическим дериватам. Статья основана на полевом материале, который собирался сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в рамках нескольких полевых выездов (в 2004 и 2021–2023 гг.). Местная календарная система подвергается не сплошному, а выборочному описанию; рассматриваются факторы, которые формируют ее своеобразие. К таким факторам можно отнести уникальные хрононимы, функционирующие в Макарьевском районе, в том числе называющие годовые праздники макарьевских населенных пунктов: к числу уникальных, в частности, относятся названия *Ярилова Плешь*, *Останное воскресенье*, *Ревун (день)*. Также местную календарную специфику составляют названия праздников, установленных в честь локально значимых святынь или святых (играющих особую роль в Поунжье, соседнем Поветлужье или в целом на Костромской земле): это, например, *Макарьев день*, *Варнавьев день* — тот факт, что в рассматриваемой зоне наблюдается концентрация населенных пунктов, отмечающих эти праздники как престольные, объясняется значимой ролью прпп. Макария и Варнавы для этих мест. Локальный акцент стоит также на некоторых общерусских праздниках — в рамках статьи речь идет о широко известных *Ильине дне* и *дне Спиридона-поворота*, особо выделенных в праздничной традиции Макарьевского района. Для хрононимов с затемненной внутренней формой в статье дается мотивационный комментарий.

© Кучко В. С., 2023

К л ю ч е в ы е с л о в а: хрононимия; народный календарь; праздничная обрядность; этнография; русские народные говоры; Костромская область; Топонимическая экспедиция УрФУ

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

В статье рассматривается локальная праздничная традиция, зафиксированная в Макарьевском районе Костромской области. Основное внимание мы будем уделять языковой репрезентации этой традиции — названиям праздников, присловьям, сопровождающим праздничные даты, лексике, образованной от хрононимов. Описываемая зона — это территория Верхнего Поволжья; она расположена на юге Костромской области, в нижнем течении р. Унжа вплоть до ее впадения в Волгу, и граничит с Ивановской и Нижегородской областями в их современных пределах. Прежде она составляла часть Макарьевского уезда Костромской губернии. Статья основана на материале, который собирался сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ) в рамках нескольких выездов (в 2004 и 2021–2023 гг.).

Мы описываем состояние праздничной традиции в том виде, в котором ее помнят и отчасти соблюдают сегодняшние местные жители старшего поколения — собеседники сотрудников ТЭ. В ряде случаев для восстановления мотивационных связей хрононимов или объяснения особенностей элементов календарного цикла делаются попытки реконструировать более раннее состояние традиции (если, конечно, это позволяют доступные нам исторические сведения).

Основу любой русской праздничной локальной традиции составляет русский народный календарь. Последний опирается, с одной стороны, на христианский календарь в его православном варианте (церковные праздники, отмечающие память определенных священных событий, святых и икон), а с другой стороны — на дохристианский земледельческий цикл, в котором выделяются периоды и отдельные даты, маркирующие какие-либо вехи в трудовой и бытовой жизни крестьянина. Христианская и дохристианская традиции, сосуществуя на протяжении многих веков, сформировали общерусскую систему праздничных дат, периодов, а также приуроченных к ним календарных обрядов, примет, запретов и пр., размечающих годовой цикл. Однако «удельный вес» общерусских праздников и праздничных периодов существенно варьирует в зависимости от территории. Зачастую причины варьирования носят природно-климатический и хозяйственный характер. Скажем, известно, что многие весенне-летние праздничные комплексы вроде троицко-семицкого цикла, которые в конечном счете направлены на обеспечение урожая и хорошо развиты в среднерусских и южнорусских

областях, были слабо представлены или вовсе отсутствовали на Русском Севере, в Поморье. Там время, отводимое на земледелие, в местах, где последнее вообще практиковалось, было редуцировано, а основу жизни составлял промысел. При этом на севернорусской территории значительно более, чем в средней полосе и южных областях, разработан святочный — и в целом осенне-зимний — праздничный цикл.

Но и в близких друг другу как географически, так и по укладу жизни ареалах мы наблюдаем значимые отличия в воспроизведении общей праздничной обрядности. Так, на территории всей Костромской области в целом очень хорошо развит весенне-летний календарный цикл, при этом в каждом отдельном костромском ареале внимание может особо концентрироваться на какой-либо принадлежащей этому циклу дате, которая в соседних зонах не сопровождается обрядами, присловьями, приметами и под. См., к примеру, яркую выделенность четверга на Страстной неделе — *Великодённого, Великого, Страшного четверга* — в Костромском Поветлужье [Атрошенко и др., 2012, 49–50], который сосредоточивает множество ритуалов, направленных на моделирование благополучного года (в соседних зонах эти ритуалы распределяются по другим датам года); особую значимость *Семика* — преимущественно женского праздника троичского цикла в Костромском Поволжье — в Нерехтском и Красносельском районах [Сурикова, 2020], который в соседних зонах может не отмечаться вовсе.

Кроме разницы в семиотической нагруженности тех или иных дат и периодов, локальное своеобразие и особенный ритм ежегодной жизни обеспечивает набор годовых праздников деревень, расположенных в одном ареале. Годовой праздник деревни обычно является съезжим, т. е. отмечается не только ее жителями, но и жителями окрестных деревень, а то и всей округи. Как правило, годового праздника деревни — то же самое, что и ее престольный (храмовый) праздник, это день памяти события, святого или иконы, в честь которых освящен храм или его придел. Тем не менее это правило может иногда нарушаться, и годовым праздником становится какой-либо памятный для этой местности день (обетный праздник в память об окончании эпидемии, день чудесного обретения святыни и под.) или другая дата, порой опосредованно связанная с христианским календарем. Например, в кусте деревень на юге Макарьевского района годовым праздником была *Ярилова Плешь* — воскресенье через неделю после Троицы. Истоки этого праздника, безусловно, нехристианские [подробнее см.: Кучко, 2023]. При наложении на христианский календарь он совпал с кануном Петрова поста, который в народном календаре называется обыкновенно *Петровским заговеньем*. Может быть, церковь ежегодно отмечала — с положенными на годового праздник коллективной молитвой и обходом домов с иконами — именно его? *Ярилова Плешь*, известная в Поволжье и примыкающим к нему зонам как *Ярилки, Ярилин день* и под., — гулянье, против которого неоднократно выступали духовные власти не столько потому, что оно казалось им служением языческому культу некоего

божества Ярилы, сколько потому, что оно, по историческим свидетельствам, носило довольно разнузданный характер. Из-за многовекового противоборства с церковью традиция гуляний в этот день постепенно затухла. Может, сохранившись на юге района вопреки церковному неодобрению, это гуляние перетянуло на себя статус годового праздника в силу своей раритетности?

Наконец, своеобразие местной традиции формируется благодаря узколокальным праздникам (скажем, день памяти местнотимого святого) и/или их узколокальным названиям. Вышеупомянутая *Ярилова Плешь* — редкий хрононим, один из самых любопытных в Макарьевском районе. В лексикографической и этнографической литературе он зафиксирован, кроме записей ТЭ, лишь единожды — в очерке «Прощание с Ярилой» костромского краеведа Н. А. Зонтикова [2016]. Заметим, что *Ярилова Плешь* встраивается в парадигму других названий этого праздника с упоминанием имени *Ярила* в Поволжском ареале (*Ярилин день*, *Ярилино заговенье*, *Ярилы* и др.). Локальные хрононимы могут носить более причудливый и уникальный характер — в качестве примера приведем целую галерею узколокальных хрононимов, функционирующих в Нижнем Поонежье и зафиксированных только ТЭ: праздники *Куйкина Дуга* (8 или 9 февраля), *Смолкин Пороз* (15 июля), *Вертиловка* (летний подвижный праздник), *Афонская* (24 июня) и некоторые другие (попытка реконструировать мотивировки этих хрононимов предпринята в [Кучко, 2019]).

Ниже при описании особенностей календарной системы Макарьевского района Костромской области мы будем обращать внимание на все вышеупомянутые факторы, формирующие своеобразие любой местной праздничной традиции. Первая часть статьи будет посвящена редким, в том числе уникальным, хрононимам, называющим годовые праздники населенных пунктов района; вторая часть — хрононимам, именующим праздники, отмечаемые фактически повсеместно, но на которых в рассматриваемой календарной традиции ставится особый акцент. Материалы ТЭ, собранные в Макарьевском районе, будут подаваться без специальных ссылок; все они хранятся в [ЛКТЭ; ЭКТЭ].

Годовые праздники Макарьевского района

Большинство годовых праздников населенных пунктов Макарьевского района приходится на весенне-летнюю пору, но встречаются и такие, которые отмечаются осенью и зимой. Мы остановимся на некоторых из них, тех, что называются редким или уникальным именем или имеют заметные локальные особенности.

Свое название г. Макарьев получил по расположенному здесь Макариево-Унженскому монастырю, основанному в 1439 г. прп. Макарием Унженским (Желтоводским). Закономерным образом *Мака́рьев день* (*Мака́рьевки*) — память прп. Макария, совершаемая 7 августа по н. ст., — не только отмечается в самом Макарьеве, где в этот день в монастыре устраиваются торжества (праздничные

службы, крестный ход и др.), но и становится заметной датой во всем районе и в ряде соседних / смежных районов Костромской области.

В Макарьеве этот праздник может именоваться *Городовья*. До закрытия монастыря в советское время праздновался этот день в целом как любой престольный праздник — с обязательным посещением церквей и крестным ходом, который превращался в коллективный обход с целью защиты от тех или иных бедствий. Отличие городского годового праздника от деревенского состоит в том, что одна из регулярных ярмарок, устраиваемых в Макарьеве, приурочивалась к Макарьеву дню. В разговорах об этом дне жители легко воспроизводят ключевые моменты жития святого покровителя их города. Приведем два описания празднования: «В Макарьев день в городе были ярмарки. Была большая служба во всех храмах, а потом делали крестный ход на ключик (святой источник, открывшийся, по легенде, на прежде безводном месте прп. Макарию по его молитве. — В. К.). Считалось, что в этот день вода обладала особенными целебными свойствами. В Макарьев день ходили с иконами по всему городу и освящали город от пожара и других напастей» (Макарьев); «Макарьев день у нас в августе, Городовая. Праздник нашего города. Это день Макарию, он великий святой. Он плыл по Унже, остановился и построил себе келью. Там молился. Всех лечил Макарий. Татар остановил, когда они к нам шли. На этом месте теперь монастырь. Ключик есть со святой водой. Туда ходят крестным ходом» (Макарьев).

По данным [ЛКТЭ], как летний престольный праздник *Макарьев день* известен в дд. Инково, Козлово, Нестерово, Осиновка Макарьевского района, а также в некоторых деревнях Кадыйского, Мантуровского, Межевского, Пыщугского и Шарьинского районов Костромской области. Костромская «вспышка» активности «летнего Макария» связана с локальной значимостью этого святого; на иных территориях, по данным [РНК], эта дата в календаре выделяется редко — в отличие от Макарьева дня, справляемого зимой, 1 февраля по н. ст., и служащего днем памяти Макария Египетского (Великого). Интересно, что жители Макарьевского района могут «присваивать» местной традиции и его тоже: «1 февраля — Макарьев день. Мы в Макарьеве живём, так к нам относилось. Какая погода на Макарьев день, такой и февраль. На Макарья метель, то и на Масленицу. <...> С нашим Макарием это связано» (Домань).

Онуфриев (Ануфриев, Анофрев) день — престольный праздник в деревнях Шемятинского сельского поселения на северо-востоке района (дд. Гребенец, Шемятино), отмечаемый 25 июня. Русская православная церковь в этот день чтит память прп. Онуфрия Великого (ср. единичный контекст, в котором это актуализируется: «Онуфриев День в Шемятине отмечали. Святой был Онуфрий, это его праздник» — Макарьев).

Как связаны шемятинские деревни и память св. Онуфрия? ТЭ располагает копией рукописного альбома, составленного Н. Н. Разовой (жительницей Макарьева) по воспоминаниям старожилов деревень Макарьевского района

(в том числе о праздниках, отмечаемых в нем). Среди прочего там хранится рассказ жительницы д. Мелешево Шемятинского поселения А. И. Полековой (1923 г. р.) об этом празднике с упоминанием с. Ануфриево, в котором в этот день устраивался «большой базар, продавали много вещей, делали свои конфеты, пряники, леденцы из свеклы, петушки». Дело в том, что Шемятинское поселение находится на месте бывшей Ануфриевской волости Кологривского уезда Костромской губернии (была передана в Макарьевский у. в 1918 г.), а современная д. Шемятино — неподалеку от ныне не существующего с. Ануфриевское. О нем в переписной книге 1617 г. записано: «Погост [Ануфриевский] в Верховской волости а на погосте храм во имя преподобного Онофрия древян холодный а другой храм теплый во имя Благовещения» [Белоруков, 2000, 193]. Каменная церковь в селе была построена в 1800 г. [Там же], ее правый придел был освящен во имя прп. Онуфрия Великого; в конце XIX в. рядом была построена еще одна каменная церковь, тоже с приделом во имя прп. Онуфрия Великого (называться они могли попросту *Старая* и *Новая церкви Онуфрия Великого*), ныне они разрушены [ПАКО, 253].

В народном сознании этот праздник знаменует собой начало сенокоса: «Сенокос начинали в конце июня, с Ануфриева дня. 25 июня обычно начинали сенокос. Дак тут не праздновали, в Шемятине праздновали» (Федоровское).

В Тимошинском поселении, которое находится в труднодоступной лесной зоне района (чтобы добраться туда из Макарьева, нужно преодолеть р. Унжа на пароме, а затем долго петлять по грунтовой дороге), годовым праздником деревни считается воскресенье через неделю после Троицы (или восьмое воскресенье после Пасхи). Этот день носит имена *Послѣднее (Остѣнное / Востѣнное) воскресѣнье* или *Ревѣн (день)*. Такие хрононимы, кажется, прежде не фиксировались в лексикографической или этнографической литературе. Порядок следования дат или временных отрезков в зависимости от какого-либо подвижного праздника — важный мотивационный стимул для образования хрононимов. В данном случае счету подвергаются воскресенья после Пасхи. Этот счет может останавливаться на Троице (которая является седьмым воскресеньем после Пасхи) или (на некоторых территориях) через несколько недель после нее, ср. в Островском районе Костромской области *Девѣтое* ‘девятое воскресенье после Пасхи, праздник в д. Шегары’ [ЛКТЭ], арх., прикам. *Девѣтое, Десятое (воскресѣнье)* [РНК, 120, 121]. То же происходит и в нашем случае: «Останное воскресѣнье, а после его Девѣтое воскресѣнье» (Тимошино). «Выбивание» рассматриваемого хрононима из цифровой модели (в то время как на иных территориях она может работать: ср., например, прикам. *Восьмѣе воскресѣнье* [РНК, 98]) связано, возможно, с тем, что это — последний предпостный день, канун Петрова поста (ср. для этого же дня ряз. *Послѣднее заговенье* [РНК, 335]).

Среди народных объяснений хрононима встречаются попытки привязать этот подвижный праздник к последнему воскресенью июня, с которым он иногда

действительно совпадает: «Вот, Останное воскресеньё, останное воскресеньё весны или чего... После его девятое было воскресеньё. Последнее воскресеньё июня, потому что оно сходится <...> Оно сходится, не каждой год, а совпадает» (Холобурдиха); «Ревун — это еще Последнее воскресеньё называлось, потому что последнее воскресеньё июня» (Тимошино).

В Тимошинском поселении была развита традиция исполнения плачей (*привываний*): «У нас все бабы привывали, привываньем Тимошино было знаменито. Привывали на всех могилах: “Ой да дорогой, ты мой любимый муж, Разлетаются лебёдушки Из родного да из гнёздышка, И осталась я, кокушечка...”» (Холобурдиха). Название *Ревун* отражает содержание этого дня — он был поминальным, предписывалось ходить на кладбище и *выть*, т. е. причитать по усопшим: «Ревели на могилах, вот и Ревун» (Домань); «После Троицы за неделю на кладбище ходим. Раньше-то ревели, не ревели, а выли» (Холобурдиха); «Ревун называют. У всех в Троицу ходят на кладбище, а у нас в Последнее воскресеньё, и воют. Мама выла сама и мне говорила: “Уж я помру, да ты повой”» (Там же); «Плакали сильно в Ревун, оплакивали своих близких» (Киселиха); «В Тимошине Останное воскресеньё справляется, Ревун. Там ревут на могилах» (Там же); «Последнее, или Останное, воскресеньё. В память об умерших Троица, например, а следующее воскресеньё после Троицы будет последнее, посещение кладбища именно в Тимошино. Почему-то только в Тимошино» (Карьково). (В других деревнях Макарьевского района и прилегающих территорий поминальным днем является Троица, ср.: «В Троицу все на кладбище ходят, родителей надо поминать в Троицу» (Сокорново) и множество подобных контекстов.)

В народе распространена легенда, призванная объяснить причину сдвига троицкой традиции поминовения на неделю; она опирается на факт труднодоступности (по сей день) тимошинских деревень, расположенных на другом берегу р. Унжа, и на связь слов *остáнный* ‘последний’ (диал. шир. распр.) [СРНГ, 24, 57–58] и *остаться* (без чего-л.). Рассказывается о Богородице, которая должна была посетить на Троицу все деревни, но в Тимошино она попасть не успела, потому что в этот день не смогла переплыть реку, из-за чего и Троица была «отложена» еще на неделю (Тимошино, Холобурдиха, Макарьев). Легенда утрачивает мифологическую составляющую, которая заменяется на рациональные объяснения локальной традиции: «На Ревун пойдём на кладбище, кто ревут, кто чего. Это Останное воскресеньё. На Троицу до нас икона не дошла, чтоб нам идти-то на Троицу. До нас икону не донесли. И батюшка сказал, мол, остались без иконы, будет у вас Останное воскресеньё. Приехал к нам через неделю. Последнее воскресеньё ешшо звали» (Тимошино); «Останное воскресеньё оттого, что батюшка их оставил, через неделю только приехал. Через реку не мог перебраться» (Домань); «Вовремя священник не мог приехать, из-за большой воды через реку не мог перебраться. И только в Останное воскресеньё он приезжает к ним туда» (Киселиха); «В Ревун на могилы плакали ходили. Там две даты вроде

бы. В первую [дату, т. е. в Троицу] батюшка не смог приехать, поехал ещё раз, во вторую» (Березники).

История о священнике, не приехавшем на праздник, может иметь под собой реальные основания. Наместник Макариево-Унженского монастыря игумен Варфоломей (Коломацкий) в беседе с сотрудниками ТЭ рассуждал об этом с точки зрения сегодняшней практики: «В советское время храмы были закрыты. Я думаю, что в дореволюционное время хоть храмов было много, но при этом не было достаточного количества священников. Вполне возможно — по крайней мере, такая практика есть сейчас, — настоятель одного сельского храма является настоятелем еще трех или четырех приписных храмов. Например, в воскресенье он служит у себя, в следующую субботу служит в одном храме, на неделе где-то ещё в одном. <...> Какая-то церковь была приписная, куда батюшка на Троицу приехать не мог, а приезжал через неделю». До революции церквей с приходящим причтом было все же не так много, и у нас нет сведений о том, что тимошинская Вознесенская церковь не имела собственного причта. Напротив, по данным переписей 1628 и 1652 гг. известно, что возле церкви были дворы попа и дьячка [Белоруков, 2000, 188–189]. Скорее можно думать о прибытии с опозданием церковнослужителя или святыни из Макарьевского монастыря.

ТЭ зафиксировала еще одно название воскресенья после Троицы — *Тро́ица мёртвых*: «Ревун, Останное воскресенье — так в Тимошине звали. А у других зовут Троица мёртвых. Это как поминальный день» (Домань). Это свидетельство того, что выбор следующего воскресенья после Троицы как дня поминовения был распространен шире (не только в Тимошино), что кажется вполне логичным (в каждой локальной традиции в рамках весеннего пасхально-троицкого цикла, пронизанного поминальными днями [см.: Агапкина, 2002, 265 и сл.], выбирается свой главный день или дни для поминовения усопших). Номинация, кажется, не фиксировалась прежде на русской территории — в отличие от Полесья, где *Тро́ицей мёртвых* (т. е. Троицей, устраиваемой для усопших, ср. фиксируемый в некоторых русских традициях хрононим *Пáсха мёртвых* [РНК, 308]) называют как воскресенье после Троицы (иначе Петровское заговенье), так и ряд других близко расположенных дней [см.: Левкиевская, 2012, 166].

В Нежитинском поселении, расположенном на юге района (при впадении р. Унжа в Волгу), круг «нестандартных» хрононимов, маркирующих годовые праздники, расширяется. Это происходит, во-первых, за счет обсуждавшегося выше праздника *Яры́лова Плесь*, который отмечается в кусте деревень этого сельсовета в воскресенье после Троицы (в Петровское заговенье). Этот хрононим — вариация названий праздника троицко-петровского цикла с корнем *ярил-*: *Яры́ла, Яры́ло, Яры́лы, Яры́лин день, Яры́лино заговенье, Яры́лки* и др. [РНК, 490–492] (последний вариант фиксируется и в Макарьевском районе). Гулянья, приуроченные к нему, проходят на территории Верхнего и Среднего Поволжья и некоторых соседних среднерусских областей. «Эпицентром» этой номинативной

традиции можно считать территорию Нижегородской губернии (к которой примыкает южная часть Макарьевского района), где он и сохранился в статусе годового праздника ряда деревень. О мотивировке уникальной формы макарьевского хрононима см. в посвященной ему работе [Кучко, 2023].

Во-вторых, привлекает внимание годовым праздником ряда населенных пунктов (с. Нежитино, дд. Козлово, Крупышево, Мытищи, Освянново) *Мольба́*. Он приходится на первое воскресенье после Петрова дня (дня апостолов Петра и Павла, который отмечается 12 июля по н. ст.). В этом случае мы наблюдаем закрепление в качестве годового праздника деревни даты, связанной с памятью о каком-то событии в прошлом. Память отмечалась совместным молебном, отсюда и название дня. Реальное событие нам неизвестно, легендарное же отражено в рассказах: «Говорили, что Мольба так называлась, потому что в какое-то время искали Крест Животворящий, который имеет отношение к Кресту Животворящему Иисуса Христа, мужики искали его три года и нашли крест с кровью, а потом этот крест отнесли в храм» (Киселиха); «В Нежитине искали Крест Животворящий с кровью Христа. Принесли его в храм намоленный» (Заречье). В записанных воспоминаниях уроженки с. Нежитино А. А. Антоновой (1915 г. р.) сохранился рассказ (который, по всей видимости, отражает события, ставшие фактической основой для предания о кресте с кровью Христа) о том, что местные крестьяне Каршунские несколько столетий назад пешком ходили в Почаевский монастырь и принесли оттуда святыню — распятие в натуральную величину, для которого в округе была поставлена часовня. Этот крест простоял в часовне вплоть до ее разорения в 1972 г. [Мещерякова, Харитонова, 2003].

Надо полагать, *Мольба* была *обетным* (или *заветным*) праздником, т. е. праздником, установившимся после окончания какого-либо сельскохозяйственного бедствия (мора скота, засухи и др.), для избавления от которого и проводили совместный молебен, ср.: «Раньше здесь была или холера, или засуха, так делали моление» (Освянново); «Раньше не было дождей, заказывали старухи молебны в церкви, и дожди приходили» (Нежитино); «Была когда-то давно засуха. Всей деревней собирались и молились в часовенке. Пошёл дождь тогда — теперь отмечают» (Якимово). Название побуждает современных наследников традиции вспоминать о коллективной молитве как о главной черте праздника, хотя посещение церкви и/или крестный ход были неотъемлемыми составляющими любого праздничного дня в деревне в досоветский и (где и когда было возможно) в советский период: «В Нежитино центральный праздник — Мольба. Служили, просили Бога спасти деревню от всяких невзгод. Потом уже превратили в гулянки. Без драк не проходило» (Нежитино); «Молились мы в Мольбу, чтобы лето было мирное» (Журавлево); «В Мольбу усиленно молились весь день. Молились, чтобы сохранить скотину, чтобы не было падежа и нападения зверя, молились от грома и молний, от наводнений, от засухи, чтобы червь и саранча не грыз землю, чтобы не было никаких болезней» (Киселиха).

В отличие от *Яриловой Плеши*, хрононим *Мольба* вовсе не уникальный. Название *Мольба*, относящееся к празднику с таким же статусом, известно также в Архангельской области («У нас Троица, в Подюге Мольба праздновали» [СГРС, 7, 321]). В качестве апеллиатива *мольба́* как название коллективного гуляния отмечается на северо-востоке Костромской области [ЛКТЭ], на вологодской, владимирской, вятской территориях [СРНГ, 18, 249–250] — подобно, к примеру, архангельскому слову *богомолье*, о котором в словаре А. О. Подвысоцкого читаем: «Так называются местные (но не храмовые) сельские празднества в дни известных святых, преимущественно ап. и ев[ангелиста] Иоанна Богослова, пр[орока] Елисея, ап. Петра и Павла и пр[орока] Ильи. Дни эти, называемые *богомольные дни*, празднуются особо в каждом селении всею общиною <...> а также варят складчиною пиво (в некоторых местностях освящаемое священниками)» [Подвысоцкий, 1885, 8]. Коллективная варка пива после молебна осуществлялась и в Вятской губернии, и на северо-востоке Костромской области, поэтому апеллиатив *мольба* мог называть и непосредственно распитие пива, ср. вят. *пить мольбу́* ‘угощаться пивом на празднике’ [СРНГ, 18, 249], костр. (Вох.) *мольба́* ‘коллективное питье пива после коллективного обрядового обхода полей с иконами’: «Ильин день справляли: поп из церкви придёт, все соберутся — с иконами все поля обойдут. Потом пиво пьют. Это *мольбы* называлось. [— Это когда пиво пьют, так называлось, или всё вместе так называлось?] Когда пиво пьют, все вместе соберутся» [ЛКТЭ]. При этом церковная составляющая может вовсе утратиться, ср. костр. (Вох.) «Собирались все вместе пьянствовать — мольба такая. Говорили этак»; костр. (Парф.) «Мольбушки — это такая сходка, деушки сошлись, тут мольбушка какая-то» [ЛКТЭ].

Общерусские праздники, особо выделенные в праздничной традиции Макарьевского района

В общерусском праздничном календаре можно выделить ряд дат, которые имеют для рассматриваемой зоны особое значение.

Заметной вехой в годовом цикле жителей Макарьевского района служит *Ильин день (Илья, Илья-Пророк, Ильинская)* — день памяти прор. Илии, который приходится на 2 августа по н. ст. «Вес» праздника ощущается и по его «растянутости» в календаре — в Макарьевском районе отмечается и пятница накануне, называемая *Ильинской пятницей*. В ряде деревень района эти дни являются престольными праздниками (*Ильин день* — в дд. Юрово, Федотово, Салаватово, *Ильинская пятница* — в дд. Карабаниха и Сосновка), но справляются они повсеместно, с повторением в общих чертах особенностей, которые присущи этому календарному отрезку у восточных славян (см., например, [Макашина, 1982]). Образ календарного персонажа Ильи-Пророка в культуре, ориентированной прежде всего на сельское хозяйство, опирается на те факты из жития ветхозаветного пророка Илии, которые связывают святого и важнейшие для хозяйства стихии:

он мог низводить с неба огонь, по его требованию однажды прекратились дожди и наступила засуха, наконец, он был вознесен на небо живым в огненной колеснице. Поэтому праздник Ильин день и его персонификация в народном сознании так или иначе неотъемлемо сопряжены с дождями, грозами и, наоборот, засухой, ср.: «Когда-то Илья-Пророк вымолил дождь и уехал на колеснице на небо. Теперь празднуют Ильин день» (Якимово). Ильин день называется *грозным* праздником — этот эпитет одновременно и указывает на его сопровождение сильными грозами, и на соответствующую опасность: «У Ильина дня всё грозы, Илья-то грозный. Хлеба горели, деревни горели» (Макарьев). Илье-Пророку приписывается способность управлять стихией: «Если сильно гремит, надо сказать: “Илья-Пророк, потише”» (Якимово). Гроза и раскаты грома объясняются его действиями: «Гром гремит — Илья на колеснице поехал» (Нежитино); «Когда гроза и гром, это, говорят, Илья-Пророк жернова мелет» (Березники); «Гроза в Ильин день — Илья-Пророк поехал копёнки считать» (Домань).

К Ильинской пятнице приурочены молебны о засухе; факт их совершения именно накануне дня памяти св. пророка Илии опирается на библейское сказание о том, как в царствование царя Ахава, поклонявшегося идолам, в наказание ему и его народу Илия повелел не выпадать дождям и росе до тех пор, пока он не позволит, и засуха наступила на три с половиной года. Этот эпизод так или иначе транслируется в рамках богослужений: «... в Апостоле, который читается на Ильин день, сказано: “Илия молитвою помолися, да не будет дождь: и не одожди на землю лета три и месяц шесть, и паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой”. Во время бездождия возглашается такая молитва: “Илия словом дождь держит на земли и паки словом с небесе низводит, тем же молим Тя (Боже); молитвами его, Щедре, послѣ дожди водные земли с небесе”. В канонах церковных в честь некоторых русских святых встречались выражения: “Яко на огненной колеснице чистотою востече в небесные жилища... Фезвитянину Илии поревновав, яко же сей огненную колесницею к небеси востек” (Канон Макарию Желтоводскому) и т. п.» [Калинский, 2013, 224]. Из Библии и церковно-богослужебных книг эти сведения перетекают в народные предания: «В Ильинскую пятницу молебен служили от засухи. Как-то не сделали молебен — вот Илья и запер землю на три года, не было дождей» (Старово); «Ильинская пятница отмечается накануне Ильина дня. В старые времена на земле заводилось много червя, был неурожай, который появился из-за сопротивления царей Илье-Пророку, который наказал людей за его грехи, закрыв землю, чтобы на ней не было дождя три с половиной года. Народ молился о дожде и урожае, священники освящали луга, дворы, ходили крестный ход» (Киселиха); «В Ильинскую пятницу было принято о дождях молиться, так как Илья-Пророк закрывал землю на три с половиной года, не было урожая» (Там же). В Ильинскую пятницу давались обеты с тем, чтобы защититься от засухи и пожароопасных гроз, поэтому она называлась *Обещанной пятницей*: «Молились, давали обещания Илье» (Макарьев).

Способность календарного Ильи-Пророка управлять стихией, а также совпадение дня памяти св. Илии с горячими днями страды (разные стадии уборки зерновых, самый конец сенокоса, когда сено нужно высушить и убрать в стога, иначе оно рискует сгнить от дождей: «До Ильина дня сено сметать — пуд мёда в него накласть, а после Ильина дня — пуд навоза» (Домань); «Илья-Пророк — косьбе срок» — Там же) расширяют фольклорный образ Ильи-Пророка, непосредственно связывая его с плодородием, делая покровителем урожая, ср.: «Говорят, Илья-Пророк куда ни махнёт, всюду жито растёт» (Домань). Выше мы уже видели, что гром и гроза в Ильин день могут объясняться не просто ездой Ильи в колеснице, а тем, что он «жернова мелет» или «поехал копёнки считать». *Ильёй* именуют персонажа, которому «посвящен» последний сноп, оставляемый в поле при дожинках; сам обряд, при котором особым образом заламывают последний сноп в поле в день окончания жатвы, называется *завивать бороду Ильё*. Фольклорный образ, «выросший» из календарной даты, точнее из персонификации праздника, начинает «жить» в присловьях и прочем словесном сопровождении обряда вне строгой привязки к Ильину дню: «Бороду завьют: остались колоски, так их снопиком сделают. Под бороду ложат хлеба. Наверх бороды сделают шапку Ильё, как накроют ей: “Вот тебе, Илья, соломенная борода. На будущий год уроди нам хлеба много. Вот тебе, Илья, борода, а мне овсяная копна”» (Макарьев); «В Тимошине и в Ильинском во Фролы (день памяти свв. Фрола и Лавра, 31 августа по н. ст. — В. К.) гоняют лошадей, собирают последние снопы, завивают бороду Ильё» (Киселиха). Наконец, образ Ильи связывается с обильным урожаем в текстах, исполняемых совсем уж далеко от Ильина дня, — на Святки, ср. слова святочной песни: «Ходит Илья на Василья (день св. Василия Великого, 14 января по н. ст. — В. К.), Носит пугу¹ житяную. Куда ни махнёт — Там жито растёт» (Макарьев). Песня эта, исполняемая колядующими, сулит хороший урожай, а значит, и благополучие в наступающем году; Илья, перенесенный в январский (моделирующий и предсказывающий весь будущий год) период из своего августовского (жатвенного) контекста, выступает здесь гарантом благополучия².

¹ Костр. *пу́га* ‘кнут, плеть’ [ЛКТЭ].

² Нельзя хотя бы мимоходом не упомянуть здесь локальную традицию исполнения так называемых подблюдных песен, распространенную по соседству с рассматриваемым районом, в компактном ареале на северо-востоке Костромской, юге Вологодской и в Кировской области, которая из-за повторяющегося в них припева «Илия (илея)» называется *и́лию (и́лею) петь*. Каждому из собравшихся гадающих в святочные вечера по очереди поются краткие песенки «на добро» или «на худо». Сюжеты в них разнообразны, и в одной из песенок фигурирует Илья, считающий суслоны, ср., к примеру: «Нынче у нас Страшные Вечера, илия, Страшные Вечера, Крёщенскийё, илия. Ходит Илья по полю, илия, Считает Илья суслончиков, илия, На первой полоске сто суслонов, илия, На второй-то полоске — тысяча, илия, На третьей полоске — сметы нет, илия. Кому эта песенка достанется, илия, Тому сбудется, спаятуется, илия, Тому жить бы богато, ходить хорошо, илия» (Костр.: Вох.) [ЛКТЭ]. Появление персонажа Ильи здесь аналогично случаю в святочной песне выше: он имеет календарные корни и репутацию покровителя урожая. Само же слово *и́лия (и́лея)*,

Высокая популярность в народе Ильина дня и его персонификации Ильи-Пророка связана, во-первых, с двумя ипостасями последнего — как покровителя урожая и как «ответственного за стихии». Надо заметить, что сильный страх перед частыми пожарами, возникающими в том числе от гроз, превращается в страх перед тем, кто, по поверью, эти грозы насыляет, и, соответственно, в необходимость строго чтить посвященный ему день. Во-вторых, Ильин день приходится на переходный период между жарким летним периодом и наступающими холодами. Народное сознание на всей восточнославянской территории наделяет этот день приметами рубежа. В Макарьевском районе внимание фокусируется на том, что после этого дня дни становятся короче: «Петр и Павел час убавил, а Илья-Пророк два уволок» (Маньлово), а вода — холоднее: «С Ильина дня воды стынут» (Домань). Запрет на купание в холодной воде здесь, как и на других территориях, объясняется ее своеобразной «порчей»: «После Ильина дня, говорят, олень хвостик в реку опустит, нельзя купаться» (Старово); «“В Ильин день лось хвост обмочил”, — говорили, поэтому мы не купались уже» (Дуплянь); «В Ильин день олень ногу обмочил: всё, купаться нельзя» (Нежитино); «После Ильина дня не купаются. Говорят: олень в воду посикал; олень пролетит, в воду поссит» (Киселиха). Мотив порчи воды оленем в детских запретах своеобразно трансформируется в мотив непосредственной угрозы, исходящей от оленя: «После этого дня запрещали купаться, потому что олень может утащить в воду. Пугали нас: “Не ходите купаться, а то там олень посадит вас на хвост и утащит”» (Никола-Макарово).

Хорошо известен в Макарьевском районе день памяти свт. Спиридона Тримифунтского, который именуется здесь *Спиридо́н, день Спиридо́на, Спиридо́н(а/ы)-поворо́т(а/ы), Спиридо́н-солнцеворо́т, Спиридо́ньев день, Поворо́ты*³. Этот церковный праздник в народном сознании маркирует начало нового природно-хозяйственного цикла и связывается со временем «поворота» солнца, поскольку отмечается 25 декабря и, примыкая в календаре ко дню зимнего солнцестояния, служит его народной реализацией: «На Спиридона день прибавляется» (Киселиха); «День Спиридона — зима повернётся на весну» (Юркино); «Спиридона-поворота — время прибавляется» (Власово); «Спиридон-поворот был, после него день на воробьиный шаг прибывает» (Холобурдиха); «В Спиридону-повороты происходит поворот на лето» (Заречье); «Спиридону-повороты тогда, когда зима

хотя и происходит от церковного песенного припева *аллилуйя* (наряду с *люли-люли, лилею, улье-улье, иляля* и под.) [см.: Толстой, 1995, 101], испытывает на себе притяжение к имени Ильи-Пророка, ср., например: «С Васильева вечера по 18-е илию пели. Вот Ильин день, дак по святому» (Костр.: Окт.) [ЛКТЭ].

³Заметим, что среди икон Макарьевской церкви Макарьево-Унженского монастыря присутствует и икона св. Спиридона Тримифунтского: «Спиридону-повороты — зима на лето поворачивается, главный в году поворот. В церкви у нас в Макарьеве икона Спиридона, важный он святой» (Рокульское).

на лето поворачивается» (Якимово) и др. Несмотря на то что световой день начинает увеличиваться, впереди, как правило, еще самые сильные холода, — поэтому, «в противовес» упоминанию лета, в присловьях об этом дне отмечается и «поворот» на морозы: «Говорят, солнце поворачивается на лето, а зима — на мороз» (Якимово); «Спиридоны-повороты — солнце на лето, зима на мороз» (Рокульское), ср. также «Спиридоны-перевороты зимой-то. Там солнце-то на лето, земля на мороз» (Костр.: Окт.) [ЛКТЭ]⁴.

Столь заметный (благодаря явному природному изменению — увеличению светового дня) в календаре рубеж сопровождается приметам и предписаниями. В Макарьевском районе зафиксирована примета, по которой можно определить, стельная ли корова: «Спиридона-поворота будет — если корова сбавит доило, значит, она стелется» (Власово). Внимание к корове в этот день не кажется случайным: в подблюдных песнях и гаданиях, приуроченных к этой дате, в том числе костромских (чухломских и поветлужских), прослеживается «коровья» символика [см.: Тульцева, 1997, 94]. Также отмечается, что для иконописи Новгорода и Русского Севера в целом была типична композиция с восседающими Власием и Спиридоном, которые благословляют стада [Там же, 97]. Эти факты опираются на житие святителя — он был пастухом, и даже «будучи святителем и великим чудотворцем не гнушался пасти овец бессловесных и сам ходил за ними» [цит. по: Там же, 95].

Сотрудники ТЭ записали в Макарьевском районе также любопытное предписание «помогать» солнцу «поворачиваться»: «После Спиридона-поворота месили тесто в обратную сторону. Хоть тесто, хоть суп, хоть кашу. Ну чтоб по солнцу, чтоб день-то прибывал. А на Ивана Купалу в другую сторону помешивали» (Холобурдиха).

Как представляется, именем *Спиридон* (хрононимом?) может быть мотивирован апеллатив *спиридо́н* 'неудавшийся хлеб', который был записан в Макарьевском районе в 2004 г.: «Сегодня у меня *спиридоны*. И *спиридоны*, и *неудака* зовём; не поднимется, стоит мертвó, или он перекиснет, или перестоит» (Соловатово); «А белый без дрожжей не испекёшь, будет *спиридон*, муку только переведёшь» (Там же); «Ой, у меня *спиридон* вышел» (Блиново) и др. Мотивацию этого факта, однако, установить затруднительно. День св. Спиридона мог быть отмечен выпечкой: «Спиридоны-повороты были, королюшечки пекли в этот день» (Макарьев); иногда гадания начинались с этого дня, поскольку он примыкает к святочному циклу, и на костромской территории зафиксировано гадание с хлебом в этот день: «На Спиридона Поворота кладут хлеба в чашку по 3 куску на каждого человека,

⁴Закономерно, что «поворот» в народном названии этого дня, слишком уж удаленного от лета, может трактоваться иначе: как день, когда «замораживало с осени на зиму» (Костр.: Буйск.), или поворачивалась «зима уж на мороз» (Костр.: Окт.), или даже «медведь на другой бок поворачивается» (Костр.: Буйск.) [ЛКТЭ]. Все эти присловья имеют широкое распространение [см.: РНК, 414–416].

находящегося в беседе. Придя домой, эти три куска кладут под згололье, под зеркало и в косяк на левую сторону от входа в дверь. За этим хлебом ходят в три дома и просят: “Хлебца — копытце, поменьше крошитца, не режь, не ломай, давай весь коровай”» (Костр.: Чухл.) [Смирнов, 1927, 60].

Но дело все же, вероятно, не в этом; можно сделать абстрактное предположение, что здесь проявлена идея обратного движения (ср. выше о необходимости месить тесто в обратную сторону), которое в народной культуре бывает аксиологически нагруженным и сопряженным с отрицательной оценкой: хлеб в день Спиридона, который замесили в обратную сторону, не может быть хорошим.

Выскажем еще одну гипотезу: Русской православной церковью 31 октября / 13 ноября чтится память другого Спиридона — прп. Спиридона Печерского, которого называют Просфорником, поскольку в Киево-Печерском монастыре, где он подвизался в XII в., его послушанием было печь просфоры [см., например: Месяцеслов, 234, с литературой]. На иконах он изображается (вместе с прп. Никодимом, с которым был приставлен печь просфоры) с хлебами (просфорами) в руках. Не могли ли встречи с этой иконой спровоцировать номинацию неудачной выпечки? Схематично изображенные просфоры по виду далеко отстоят от хорошего хлеба. Трудно судить, была ли вероятность встречи костромского крестьянина с этой иконой. Заметим только, что в своде описаний древнерусских святых [Маркелов, 2, 221] приводятся описания сразу трех иконописных подлинников, а в рукописном молитвеннике информантки Л. Н. Ухаревой из д. Берзиха Шарьинского района Костромской области содержится тропарь прпп. Спиридону и Никодиму, и это вместе укрепляет в мысли, что такую вероятность можно допустить.

* * *

Подводя итог, отметим некоторые черты местной праздничной традиции, которые составляют ее своеобразие.

Во-первых, это названия праздников, установленных в честь локально значимых святых или святынь (играющих особую роль в Поунжье, соседнем Поветлужье или в целом на Костромской земле). Выше мы писали, что концентрация населенных пунктов, отмечающих Макарьев день как престольный праздник, высока в ряде районов Костромской области, а «эпицентр» находится в Макарьевском районе, что объясняется значимой ролью прп. Макария Унженского, основателя Макарьевского монастыря, для этих мест. В Макарьевском районе фиксируется также хрононим *Варна́вьев (Варна́вий) день* — название престольного праздника дд. Шемятино и Никулино Шемятинского поселения. Судя по данным [РНК] и [ЛКТЭ], этот праздник не является популярным и имеет ограниченное территориальное распространение — Макарьевский и Шарьинский районы. Именно эти земли связаны с житием прп. Варнавы Ветлужского (день памяти которого отмечается 24 июня, а также 5 февраля, в соборе Костромских святых): Варнава почти 30 лет прожил уединенно в низовьях р. Ветлуга. Он был

современником прп. Макария; существует даже предание о том, что Макарий, прежде чем поселиться несколько северо-восточнее, на Унже, приходил к Варнаве за наставлениями [см.: Варнава Ветлужский]. Эта связь отражена и в существующей иконографической традиции их совместного изображения: см., например, репродукции икон в [Зонтиков, 2000, 22, 23]. Еще одним, тоже редким, престольным праздником в честь костромской святыни — Феодоровской иконы Божией Матери — является **Фёдоровская**: «Фёдоровская была, назвали по иконе Богородицы» (Юрово), «Фёдоровская — это костромская икона, праздник у нас справляют, тут обязательно бывает служба, литургия божественная» (Киселиха).

Во-вторых, в местном календаре присутствуют уникальные хрононимы / уникальные варианты хрононимов, имеющих более широкое распространение: это упоминаемые выше *Ярилова Плешь*, *(В)Останное воскресенье*, *Ревун (день)*. Можно добавить еще хрононим **Казáнская Жарá** (Николо-Макарово) — локальный вариант названия праздника, который здесь и в общерусской традиции известен как *Казáнская* или *Казáнская Лётняя* (21 июля, День явления иконы Богородицы в Казани).

Далее, специфику местной хрононимической системы составляет взаимодействие друг с другом ее элементов — взаимное выравнивание некоторых из них в рамках одной словообразовательной модели: в Макарьевском районе празднуют *Тíхонки* (Тихонов день), *Ивáнки* (Иванов день), *Ярíлки* (иначе — *Ярилову Плешь*), *Макáрьевки* (Макарьев день), *Усплénки* (Успение пресвятой Богородицы). Оформление хрононимов в виде существительного pl. t. — явление частотное (ср. широко распространенные названия типа *Петрý и Пáвлы*, *Фролý и Лáвры*, *Спиридóны-поворóты* и др.). В рассматриваемой системе мы наблюдаем добавление ко множественному числу еще и суффиксации.

Наконец, надо отметить особую значимость определенных календарных дат и связанных с ними бытовых и хозяйственных событий ежегодного цикла (Ильина дня, маркирующего конец сенокоса и определенную стадию уборки урожая; Спиридона, отмечающего природный рубеж — увеличение светового дня), которая сопровождается и номинативной вариативностью этой даты, и тем, что проприальный комплекс (хрононимно-агионимный) служит источником для обрядовой проприальной или для апеллятивной лексики, ср. отмеченное выше *завивать бороду Илье* ‘заламывать последний сноп в поле в день окончания жатвы’, *спиридон* ‘неудачный хлеб’.

Источники

Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. Кострома : Эврика-М, 2000.

Варнава Ветлужский — Преподобный Варнава Ветлужский. Житие // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/days/sv-varnava-vetluzhskij> (дата обращения: 05.08.2023).

- Зонтиков Н. А.* Преподобный Варнава Ветлужский. К 555-летию со дня преставления. Кострома : Кострома, 2000.
- Зонтиков Н. А.* Прощание с Ярилой // Новая юность. 2016. № 1. https://magazines.gorky.media/pov_yun/2016/1/proshhanie-s-yariloj.html (дата обращения: 06.08.2023).
- Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси / сост., предисл., прим. А. Д. Каплина, отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси. Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Булаин, 1998.
- Месяцеслов святых, всею русскою церковью или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников божиих в нашем отечестве. Вып. 2 (октябрь). Каменец-Подольский : Тип. Подольск. губ. правл., 1893.
- Мещерякова Д. А., Харитонова М. В.* Судьба церковной традиции с. Нежитино по материалам экспедиции. М. : Преображение, 2003. URL: <http://nezityno.lgb.ru/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BC-%D1%81-%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE/> (дата обращения: 04.08.2023).
- ПАКО — *Рудченко В. М., Смирнов Г. К., Шармин П. Н., Щеболева Е. Г.* Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 8 : Кадыйский район, Макарьевский район. Кострома : Департамент культурного наследия, культуры и туризма Костр. обл., 2006.
- Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. АН, 1885.
- РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М. : АСТ-Пресс Книга, 2015.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / гл. ред. А. К. Матвеев (т. 1–5) ; М. Э. Рут (т. 6–). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ЭКТЭ — этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Исследования

- Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря : весенне-летний цикл. М. : Индрик, 2002.
- Атрошенко О. В., Пугачева Л. Ю., Сеница Н. А.* Народный календарь Поволжья // Живая старина. 2012. № 2 (74). С. 47–50.
- Кучко В. С.* Народная хрономия Нижнего Поонежья // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 111–128. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.017
- Кучко В. С.* Ярилова плешь — праздник в Макарьевском районе Костромской области // Живая старина. 2023. № 3 (119). С. 5–8.
- Левкиевская Е. Е.* Деда (души предков) // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 2 : Демонологизация умерших людей / сост.

- Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 156–224.
- Макашина Т. С. Ильин-день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. М. : Наука, 1982. С. 83–101.
- Смирнов В. Народные гаданья в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1927. Вып. 41. С. 17–91.
- Сурикова О. Д. Женские праздники Костромского Поволжья // Живая старина. 2020. № 2 (106). С. 14–17.
- Толстой Н. И. Аллилуйя // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М. : Международные отношения, 1995. С. 100–102.
- Тулъцева Л. А. Антропокосмические воззрения русских крестьян: день Спиридона-поворота // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 89–101.

Рукопись поступила в редакцию 01.09.2023

Рукопись принята к печати 01.10.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях диалектов русского языка

арх.	архангельские	прикам.	прикамские
вят.	вятские	ряз.	рязанские
костр.	костромские		

В названиях административно-территориальных единиц

Буйск.	Буйский район Костромской области	Окт.	Октябрьский район Костромской области
Вох.	Вохомский район Костромской области	Парф.	Парфеньевский район Костромской области
Костр.	Костромская область	Чухл.	Чухломской уезд Костромской губернии

* * *

Кучко Валерия Станиславовна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Топонимической лаборатории
кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: kuchko@inbox.ru

Kuchko, Valeria Stanislavovna
PhD, Senior Research Fellow
Toponymic Laboratory
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: kuchko@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

Valeria S. Kuchko

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

CHRONONYMS AND SOME FEATURES OF THE CALENDAR CYCLE OF MAKAREVSKY DISTRICT, KOSTROMA REGION

The article examines the local holiday tradition recorded in an area of the Upper Volga basin, namely in the Makaryevsky district of the Kostroma region. It particularly focuses on the linguistic representation of this tradition: chrononyms (holiday names), related proverbs, and chrononymic derivatives. The research is based on field materials collected by members of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University during several field trips (in 2004 and 2021–2023). The local calendar system is subject to selective rather than complete description that focuses on the factors that shape the originality of the local tradition. Among these are the unique chrononyms exclusively specific to Makaryevsky district, including those naming the annual holidays of Makaryevsky settlements (such as *Yarilova Plesh*, *Ostannoye Voskresenje*, *Revun (day)*). Another feature of the local calendar are the names of holidays referring to locally significant shrines or saints (revered in the vicinities of Unzha and Vetluga rivers or in Kostroma land in general). These are, for example, *Makariiev (Macarius) Day*, *Varnaviev (Barnabas) Day*. High concentration of settlements celebrating these as patronal holidays in the region displays the significant role of the Rev. Macarius and Barnabas for these places. The paper also touches upon the local character of some all-Russian holidays, particularly the well-known *Ilyin's (Elijah's) Day* and the *Day of St. Spyridon-the-Turner* as the most notable for the festive tradition of the Makaryevsky district. For chrononyms with an obscure original meaning, the article provides motivational comments.

Key words: chrononymy; folk calendar; festive rite; ethnography; Russian folk dialects; Kostroma Region; Toponymic Expedition of Ural University

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

References

- Agapkina, T. A. (2002). *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara. Vesenneletnii tsikl* [Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Spring–Summer Cycle]. Moscow: Indrik.
- Atroschenko, O. V., Pugacheva, L. Yu., & Sinitza, N. A. (2012). Narodnyi kalendar' Povetluzh'ia [Folk Calendar of Povetluzhye]. *Zhivaia starina*, 2(74), 47–50.
- Kuchko, V. S. (2019). Narodnaia khrononimiia Nizhnego Poonezh'ia [Folk Chrononyms of the Lower Onega River Region]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 111–128. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.017

- Kuchko, V. S. (2023). *Iarilova plesh'* — prazdnik v Makar'evskom raione Kostromskoi oblasti [*Yarilova Plesh, a Holiday in the Makaryevsky District of the Kostroma Region*]. *Zhivaia starina*, 3 (119), 5–8.
- Levkievskaya, E. E. (2012). Dedy (dushi predkov) [Dedy (Souls of Ancestors)]. In L. N. Vinogradova, & E. E. Levkievskaya (Eds.), *Narodnaia demonologiya Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka* [Folk Demonology of Polesie: Publications of Texts Recorded in the 1980–90s] (Vol. 2, pp. 156–224). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Makashina, T. S. (1982). Il'in-den' i Il'ia-prorok v narodnykh predstavleniiakh i fol'klоре vostochnykh slavian [Ilyin's (Elijah's) Day and Elijah the Prophet in Popular Ideas and Folklore of the Eastern Slavs]. In V. K. Sokolova (Ed.), *Obriady i obriadovyi fol'klор* [Rituals and Ritual Folklore] (pp. 83–101). Moscow: Nauka.
- Smirnov, V. (1927). Narodnye gadan'ia v Kostromskom krae [Folk Fortune Telling in the Kostroma Region]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniiu mestnogo kraia*, 41, 17–91.
- Surikova, O. D. (2020). Zhenskie prazdniki Kostromskogo Povolzh'ia [Women's Holidays of the Kostroma Volga Region]. *Zhivaia starina*, 2 (106), 14–17.
- Tolstoy, N. I. (1995). Alliluiia. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 1, pp. 100–102). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tultseva, L. A. (1997). Antropokosmicheskie vozzreniia russkikh krest'ian: den' Spiridona-povorota [Anthropocosmic Views of Russian Peasants: The Day of St. Spyridon-the-Turner]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 89–101.

Received on 1 September 2023

Accepted on 1 October 2023